

Политика России в Речи Посполитой накануне и в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Борис Носов

Russian policy in the Polish-Lithuanian Commonwealth on the eve and at the beginning of the Russo-Turkish War of 1768–1774

Boris Nosov

(Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24060067, EDN: RMXGGB

Обращаясь к истории российско-польских отношений XVIII в., отрадно отметить, что в нынешнем 2024 г. выдающийся польский историк, профессор Варшавского университета Зофья Зелиньска отметила юбилей. Её фундаментальные труды охватывают период от 1730 до 1790-х гг. И неизменно в центре внимания польского учёного была история отношений Речи Посполитой и России в самом широком смысле этого слова. При этом основой творческого метода Зелиньской неизменно было детальное и скрупулёзное изучение архивного материала и, прежде всего, материалов российских архивов, исследованию которых она посвятила более 30 лет, заслуженно считаясь в этой области непревзойдённым специалистом¹. Публикацией настоящей статьи я хотел бы отдать долг искренней признательности нашей глубокоуважаемой коллеге.

История русско-турецкой войны 1768–1774 гг. получила в отечественной историографии хотя и широкое, но одностороннее освещение. Казалось бы, это событие нашло отражение во всех без исключения учебниках и обобщающих трудах по истории России второй половины XVIII в. В специальной военно-исторической литературе достаточно подробно освещён ход военных действий, вклад в победу полководцев, солдат и офицеров русской армии. Однако политические аспекты истории войны 1768–1774 гг. рассматриваются в отечественных исследованиях весьма схематично, поверхностно и преимущественно вне взаимосвязи с польской политикой Петербурга.

Центральным тезисом российской историографии стало утверждение, что в итоге русско-турецкой войны 1768–1774 гг. была решена историческая задача завоевания выхода к Чёрному морю и ликвидации более двух столетий нависшей над Россией угрозы со стороны Крымского ханства и Османской Порты. Отмечается также, что завоёванная победа открыла путь к освобождению народов Юго-Восточной Европы от османского ига.

Изучение русскими историками войны 1768–1774 гг. берёт начало в середине XIX в. С тех пор основополагающими в этой области на протяжении более полутора столетий неизменно остаются работы С.М. Соловьёва, А.Н. Пет-

© 2024 г. Б.В. Носов

¹ О вкладе З. Зелиньской в науку см.: *Носов Б.В., Фалькович С.М.* К юбилею Зофии Зелиньской // *Славяноведение*. 2015. № 1. С. 116–118.

рова и Н.Д. Чечулина². Специальные исследования отечественных историков XX — начала XXI в. посвящены преимущественно военно-историческим аспектам или отдельным частным проблемам и сюжетам³. Исключение, только подтверждающее данное суждение, представляют две монографии Е.И. Дружининой второй половины 1950-х гг.⁴ Причём историю войны и мира в Кучук-Кайнарджи она трактовала в духе характерной для советской историографии концепции освободительной миссии России в Молдавии. В известной мере традиции, заложенные в трудах Дружининой и других советских исследователей освобождения Юго-Восточной Европы от турецкого владычества, развиваются в наши дни в работах В.Б. Каширина, опубликовавшего в начале 2024 г. статью, посвящённую днестровской кампании 1769 г. и стратегии России в отношении княжества Молдавия⁵. В ней не затрагиваются вопросы польской политики Петербурга, за исключением упоминания об идее присоединения занятой русской армией Молдавии к Речи Посполитой. Тем не менее высказанные Кашириным суждения касаются и рассматриваемых мною проблем.

Из зарубежной историографии российские авторы часто обращаются к посвящённому эпохе Екатерины II труду И. Мадариаги⁶, который по названной проблеме базируется в целом на «Истории России» Соловьёва и классической работе А. Сореля⁷.

Связанная тематически с историей русско-турецкой войны 1768–1774 гг. польская историография посвящена политическому кризису в Речи Посполитой 1760–1770-х гг. и международному конфликту вокруг Польско-Литовского государства, приведшему к первому разделу Польши. Круг этих проблем обширен⁸. Ограничусь лишь упоминанием имён выдающихся польских историков XX столетия: В. Конопчиньского, Е. Михальского, Э. Ростворовского⁹, труды

² Соловьёв С.М. История России с древнейших времён // Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. XIV. Т. 27–28. М., 1994; Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. 1769–1774. Т. 1–5. СПб., 1866–1874. Фундаментальный с военно-исторической точки зрения труд Петрова в области истории российско-польских отношений 1760–1770 гг. опирается преимущественно на свидетельства К. Рюльера (см.: *Rulhiere C.C. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. Vol. 1–4. P., 1807*) и польскую литературу первой половины XIX в., чем объясняется присутствие в нём ряда недостоверных фактов и существенных искажений в описании и анализе польской политики Петербурга. См. также: Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896.

³ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958; Лебедев А.А. У истоков Черноморского флота России. Азовская флотилия Екатерины II в борьбе за Крым и в создании Черноморского флота (1768–1783 гг.). СПб., 2011; Гребенщикова Г.А. Российский флот и дипломатия Екатерины II. Т. 1–3. СПб., 2020–2023; Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство: геополитическая ситуация в Северном Причерноморье в период с 30-х гг. XVIII в. по 1783 г. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2013; Каширин В.Б. Освободитель Бухареста. Тайный эмиссар Екатерины II подполковник Назар Каразин (1731–1783). М., 2022.

⁴ Дружинина Е.И. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года. Его подготовка и заключение. М., 1955; Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800. М., 1959.

⁵ Каширин В.Б. Днестровская кампания генерала князя А.М. Голицына 1769 г. и стратегия России в отношении княжества Молдавия в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 годов // Славяноведение. 2024. № 1. С. 5–31.

⁶ Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2006.

⁷ Sorel A. La Question d'Orient au XVIIIe siècle. Le Partage de la Pologne et le Traité de Kaynardji. P., 1902.

⁸ Serejski M.H. Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. Warszawa, 1970.

⁹ Konopczyński W. Konfederacja barska. Т. 1–2. Warszawa, 1991; Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej. Т. 1–2. Warszawa, 1986; Michalski J. Początki panowania Stanisława Augusta (1764–

которых составили золотой фонд польской историографии, в том числе и по названной проблематике. Все они констатировали, что Барская конфедерация как широкое движение консервативной польской и литовской шляхты стала ответом на предательство магнатской олигархии, вступившей в сговор и подчинившейся политическому давлению правительства Екатерины II. С точки зрения польских учёных, действия восставших конфедератов послужили только поводом к развязыванию русско-турецкой войны, к которой Оттоманскую Порту подталкивали Версаль и Вена.

В современной историографии за пределами России и Польши общепринятой является концепция, что непосредственной причиной русско-турецкой войны стало стремление Екатерины II к политическому доминированию в Речи Посполитой, что нашло выражение в установлении российской гарантии государственного строя, сословной и политической системы Польско-Литовского государства, а также в присутствии в Польше русских войск, ведших боевые действия против Барской конфедерации. Поводом же к войне стал разгром гайдамаками приграничного турецкого местечка Балта. Свою роль в развязывании войны сыграла и политика великих держав, в первую очередь Франции, стремившейся противодействовать возрастанию значения России в Европе и укреплению её позиций в Причерноморье. При этом польская политика Петербурга того периода практически не рассматривалась (за исключением отдельных наблюдений Соловьёва и тезиса М.Г. Мюллера о кризисе российской политики контроля над польско-литовской шляхетской республикой)¹⁰.

В настоящей статье я рассматриваю политику России в Речи Посполитой в начальный период русско-турецкой войны от времени несостоявшегося польского сейма в ноябре 1768 г. до конца года, когда в Петербурге разрабатывались планы грядущей военной кампании против Порты и меры в Речи Посполитой, призванные сохранить российское политическое господство в шляхетской республике. Основным источником для статьи стала дипломатическая корреспонденция русского посла в Варшаве кн. Н.В. Репнина с его шефами в Петербурге — как хранящаяся в Архиве внешней политики Российской империи в Москве, так и опубликованная в сборниках Императорского Русского исторического общества.

Говоря о причинах русско-турецкой войны, Соловьёв начал её предысторию с описания гайдаматчины (колиивщины) на правом берегу Днепра, положения в Турции, вызывавшего опасения как русского резидента в Константинополе А.М. Обрезкова, так и в Петербурге, в связи со сменой султанского правительства (заменой визиря и рейс-эфенди, ведавшего иностранными делами). Историк рассмотрел позицию Австрии и Франции, подталкивавших Порту к войне с Россией. Султан воспользовался инцидентом в Балте и повелел заключить Обрезкова в Семибашенный замок, что по турецким обычаям означало объявление войны. В итоге, по словам Соловьёва, «среди торжеств и поздравлений» по случаю привития императрице и наследнику оспы, Екатерина II «была сильно озабочена турецкою войною, совершенно неожидан-

1772); *Dyplomacja Polski w latach 1764–1795* // *Historja dyplomacji polskiej*. Т. 2. Warszawa, 1982; *Michalski J.* Schylek konfederacji barskiej. Wrocław, 1970; *Rostworowski E.* Historia powszechna. Wiek XVIII. Warszawa, 1977; *Rostworowski E.* Polska w układzie sił politycznych XVIII wieku // *Polska w epoce Oświecenia*. Warszawa, 1971. S. 191–205; *Rostworowski E.* Ostatni król Rzeczy Pospolitej. Geneza i upadek Konstytucji 3 Maja. Warszawa, 1966.

¹⁰ *Müller M. G.* Die Teilungen Polens 1772, 1793, 1795. München, 1984.

ною, к которой Россия вовсе не была готова»¹¹. Тезис о неготовности России к войне Соловьёв обосновал содержанием обсуждения военно-политических проблем на первых заседаниях императорского Совета. По его словам, Екатерина намеревалась возродить елизаветинскую Конференцию при Высочайшем дворе, против чего был настроен руководитель русской внешней политики гр. Н. И. Панин, так как это означало конец его власти и влияния. Так, констатировал Соловьёв, «родилась идея Совета»¹².

Первое собрание Совета состоялось 4 ноября 1768 г. Перед присутствовавшими высшими сановниками Екатерина поставила три вопроса: «1) какой образ войны вести; 2) где быть сборному месту; 3) какие взять предосторожности в рассуждении прочих границ империи?»¹³. Было решено провести чрезвычайный рекрутский набор в дополнение к предыдущим, в 1767 г., и к уже объявленному недавно, в октябре 1768 г., рассмотрен вопрос «о целях войны» и об экспедиции в Средиземное море.

Вопросы императрицы и рассуждения её приближённых¹⁴ свидетельствовали, что война разразилась неожиданно, и требовалось принимать экстренные меры по мобилизации сил и средств для её ведения, по формулированию стратегии и тактики военных действий. Однако вывод Соловьёва о неподготовленности к войне всё же едва ли оправдан. Ещё в 1764–1765 гг., когда в России после Семилетней войны проводилась реформа армии, самый многочисленный армейский корпус (более 100 тыс. человек – около половины от общей численности армии) был выделен для войны с Турцией. В 1760-х гг. продолжалось строительство предназначенной для борьбы с Крымским ханством и Турцией Украинской укреплённой линии, которое не останавливалось и в 1770 г. Линия должна была служить как для обороны южных границ, так и в качестве базы для наступления в направлении Крыма и устья Днепра. Создаваемая Паниным политическая Северная система предусматривала соглашения с иностранными государствами на случай войны с Османской империей, что было зафиксировано в союзнических трактатах с Пруссией 1764 и 1767 гг. и вытекало из обсуждаемого замысла русско-польского союза в 1760-х гг. Правительство в Петербурге имело в виду планы войны с Турцией, ведя переговоры о присоединении к Северной системе Великобритании и рассчитывая, что английское морское могущество позволит противодействовать усилиям Франции в поддержку турецкого союзника Версаля и окажет содействие русскому флоту в походе и в операциях в Средиземном море. О том же свидетельствовало приглашение в 1764 г. британских морских офицеров на русскую службу и предложение гр. А. Г. Орлова в Совете об экспедиции в Архипелаг. За этими планами стояла сама Екатерина II, и подобные замыслы вынашивались задолго до ноября 1768 г.

Реальность угрозы войны с Турцией принималась в расчёт ещё в марте–апреле 1768 г., когда в петербургских верхах и русскими генералами в Речи Посполитой во главе с послом кн. Репниным разрабатывались планы борьбы

¹¹ Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 234–243, 267.

¹² Там же. С. 268. Мнение Соловьёва о закате политического влияния при петербургском дворе гр. Н. И. Панина на рубеже 1760–1770-х гг. весьма существенно, и поставленная проблема достойна подробного рассмотрения. Согласно большинству исследователей, Панин и в дальнейшем (до 1780 г.), хотя бы формально, играл одну из главных ролей при петербургском дворе.

¹³ Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 269.

¹⁴ Там же. С. 271–275.

с Барской конфедерацией. В середине марта 1768 г. Репнин в депеше Панину изложил план действий против повстанцев. По его словам, в связи с восстанием конфедератов было возможно безотлагательно собрать в Варшаве Сенатский совет и от имени Сената Речи Посполитой обратиться к Екатерине II как к гаранту польской конституции. Однако, замечал посол, это стало бы «нарушением традиции и законов» шляхетской республики, поскольку такое обращение есть прерогатива сейма. Провести же сейм без конфедерации противников Бара, констатировал посол, невозможно, так как в этом случае сейм будет разорван. Поэтому следует «собрать маленькую конфедерацию» в Варшаве, в любом случае необходимо применить войска и сохранить в незыблемости позиции России в Польше¹⁵. Репнин указывал, что война с конфедерацией грозит вызвать большую войну с Портой, чего желательно избежать, однако, по мнению посла, лучше «их (турок. — *Б.Н.*) предупредить, нежели ещё более возгордиться чрезвычайными уважениями к их прихотям»¹⁶. Следовательно, посол не исключал даже превентивного наступления против Турции.

Опасения Репнина вполне разделяли в Петербурге. В ответной депеше от 31 марта Панин предоставил послу полную свободу действий для «скорейшего разогнания мятежников». Он писал, что направляет ему в качестве инструкций своё письмо, адресованное русскому резиденту в Константинополе Обрезкову. Из письма следовало, что в России не останутся перед крайними мерами «в утверждении одержанных в Польше знатных успехов». Однако Панин просил Репнина использовать все возможности, чтобы «без крайней нужды не дойти до неприятности с турками», не приближаться к турецким границам и тем более не нарушать их и «не переходить к встрече с чужими войсками в их земле»¹⁷.

В письме же Обрезкову в Константинополь Панин детально описывал, как оценивали в Петербурге положение в Речи Посполитой, писал о намерении не выводить русские войска из Польши, на чём неизменно настаивали турки. Обрезкову поручалось иметь в виду, что барские конфедераты будут искать поддержки у Турции и Крымского ханства, а также послужат инструментом французского двора. Об этом, по словам Панина, свидетельствовала деятельность шеваляе Ф. Тотта — эмиссара секретной дипломатии Версаля в Бахчисарае¹⁸. Последнее могло стать для Петербурга одним из многих признаков того, что в развитии русско-турецких противоречий за спиной Османской Порты, как и прежде, стояла Франция. Это, разумеется, не было секретом для русского двора.

Будучи в центре событий в Варшаве, Репнин настаивал на немедленном начале военных действий против конфедератов и, признавая неизбежность войны с Турцией, понимал, что установленная Россией в Речи Посполитой политическая система переживает серьёзный кризис. Из первых инструкций Петербурга, адресованных послам в Варшаве и Константинополе ещё весной 1768 г., следовало, что ни на какие уступки в отношении диссидентов и в вопросе о российских гарантиях государственного строя Речи Посполитой Екатерина II идти не намерена, а выходом из сложившейся ситуации являлись либо

¹⁵ АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 926, л. 1–7 об.

¹⁶ Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 220.

¹⁷ Сборник императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 87. СПб., 1893. С. 101–103.

¹⁸ Там же. С. 60–66.

немедленный разгром Барской конфедерации, либо война с Турцией, которой, правда, царский двор опасался и стремился её избежать.

Таким образом, с середины 1760-х гг., российское правительство не только готовилось к войне с Османской империей, но и, реализуя свою польскую политику, вело дело к развязыванию конфликта. Конкретные условия его начала зависели от развития политического кризиса в Польше и от провокационных действий Версаля и Вены на берегах Босфора. Осознавая последнее, Панин и указывал Обрезкову на действия в Крыму эмиссаров секретной дипломатии Людовика XV.

О положении дел на польско-турецкой границе осенью 1768 г., накануне объявления войны, как и о возможных политических последствиях конфликта, свидетельствовало присланное Репниным в Петербург письмо турецкого коменданта Хотина Ахмет-паши¹⁹. В письме говорилось, что увеличение численности турецких войск на границах Порты служит лишь для совершенствования их охраны. Паша напоминал, что Россия обязалась вывести из Польши русские войска, но не сделала этого. Далее следовало весьма многозначительное предостережение: «Ежели ж вы намерены короля свергнуть, а королевством Польским, самовластно овладев, управлять, то Польское королевство, четырёх державам соседственное, и всякая держава свою часть требовать принуждена будет, а одним вам оным владеть и управлять трудно»²⁰. Иными словами, хотинский паша недвусмысленно указывал, что способом разрешения кризиса мог бы стать раздел Польши или, по крайней мере, восстановление коллективного протектората великих держав над шляхетской республикой при условии вывода русских войск. Едва ли паша излагал в данном случае только собственные соображения.

Со времени начала восстания Барской конфедерации внутреннее положение Речи Посполитой определялось стремлением господствующих магнатских группировок оказывать давление на Россию в вопросах о сословном статусе и политических правах диссидентского дворянства и, главное, о российской гарантии государственного строя Речи Посполитой. Достигалось это с помощью закулисной поддержки конфедератам при демонстративно нейтральной позиции в их противостоянии с королевским двором. Эта же псевдо-нейтральная позиция казалась правящим в Польше магнатам наиболее выгодной и в виду начавшейся русско-турецкой войны. Выразителями тактики магнатского нейтралитета была группировка князей Чарторыских. Именно благодаря усилиям «фамилии» не состоялся осенний сейм 1768 г., с которым в Петербурге связывали надежды на политическое поражение Барской конфедерации и умиротворение Польши, о чём накануне запланированного открытия сейма Репнин вёл переговоры с А. Чарторыским.

В условиях разразившейся войны с Турцией в самом конце октября (по старому стилю), ещё накануне собрания Совета Екатерина II уже приняла первые меры. Касались они как политики России в Речи Посполитой, так и действовавших в Польше против конфедератов русских войск. Об этом свидетельствуют инструкции Репнину от Панина²¹ и от шефа Военной коллегии З.Г. Чернышёва²². Панин поручал послу продолжать переговоры с Чарторы-

¹⁹ АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 942, л. 1–4; перевод — л. 5–9.

²⁰ Там же, л. 7–7 об.

²¹ Сборник ИРИО. Т. 87. С. 185–186.

²² Там же. С. 187–191.

ским с целью «приобрести к нам ту часть нации, которая по сию пору оставалась в покое и которая бы при покровительстве нашем составила содействующий нам корпус республики». Для этого Панин предлагал поддержать идею воеводы Русского об «умягчительном изъяснении общей нашей гарантии» и об издании соответствующей декларации Екатерины II.

Чернышёв писал Репнину: «Безусмысленно уже, что с турецкой стороны война противу нас уже предпринята». Президент Военной коллегии извещал посла, который одновременно командовал корпусом русских войск в Польше, о принятых и намеченных мерах по подготовке военных действий против Порты. Главным образом речь шла о формировании предназначенной для блокады Крымского ханства и нижнего течения Днепра армии под командованием П.А. Румянцева. «В целом, — писал Чернышёв, — диспозиция войск как предназначенных для действий против Турции, так и сил резервных и обсервационных корпусов, будет сообщена позднее»²³. Это позволяет предположить, что к началу ноября, т.е. ко времени собрания императорского Совета в Петербурге, план военных действий на Днестре ещё не получил окончательного утверждения.

Далее Чернышёв перешёл к действиям русских войск в Польше, причём предписания его выглядели противоречиво. По его словам, «не защищение во всех местах Польши теперь нужно, но утверждение себя в которой-либо там части», чтобы противодействовать возможному турецкому и татарскому вторжению; а если б они вошли в Польшу или к тому месту, где наше войско находится будет, то силою, какая теперь в Польше, защищать нам ее отнюдь не возможно, ибо разделением оной на малые части не могли б мы иного сделать, как подвергнуть ту или другую в крайнее злополучие». Исходя из этих общих соображений, Чернышёв приказывал Репнину и генерал-поручику И.П. Салтыкову: «1-е) что в Малой Польше во Львове около Сендемира и в Кракове поставили 3 батальона пехоты и 5 эскадронов конницы; на сие я только примечать нахожу то, что если б возможно, то бы, по моему мнению, полезнее было пост во Львове яко отдаленный от Кракова и ближе к молдавским границам оставить и умножить там числом войск, находящихся в Кракове... 2-е) В Варшаве 3 батальона пехоты и 5 эскадронов конницы. 3-е) В Великой Польше 2 батальона пехоты и 5 эскадронов конницы; сие, казалось бы мне, потому ж сколько обстоятельства дозволит, лучше приблизить к находящимся в Варшаве. 4-е) В Литве 6 батальонов пехоты, и 5-е) в Случке 10 батальонов пехоты и 33 эскадрона конницы. Сие место полагаю и я яко сборным всего войска, тем паче, что оно остается позади той армии, которая из Киева в свое время выступить может, а зиму находится под защищением по Днепру расположенных полков несколько в безопасности, левый свой фланг всегда свободным к границам иметь». Чернышёв не скрывал от Репнина, что «сие перемещение полков несколько вам дико покажется в чинении некоторым из них излишнего перехода»²⁴, однако специально подчёркивал, что делается это в виду того, что армия, предназначенная для действий против Турции, и корпус, размещённый в Польше, имеют разные задачи и независимое командование.

В дополнение к адресованным Репнину распоряжениям военного характера новые инструкции Панина последовали в Варшаву уже после собрания

²³ Там же. С. 187.

²⁴ Там же. С. 188–190.

Совета в Петербурге 4 ноября 1768 г. 12 ноября руководитель русской внешней политики, ссылаясь на директивы Военной коллегии, уведомлял посла, «что главною армиею, которая из Польши операции свои поведет и состоять будет из находящихся ныне у вас войск и из всей Московской дивизии, назначен командовать князь А.М. Голицын; что теперь в Польшу к оной отправляются отсюда генерал-аншеф П.И. Олиц и генерал-поручик И.И. Веймарн, первый для принятия до времени главной команды и собрания в один корпус разных detachementов, а другой для командования оставляемым в Польше особливим корпусом; что сей корпус от 12 до 15 тысяч человек состоять имеет, и что назначенным в оной полкам на место тех, кои ныне у вас, велено уже вступить в действительный поход по приложенному здесь маршруту, и что в прочем граф П.А. Румянцев другою при собственных наших границах собираемою армию командовать будет для учинения диверсии главным турецким силам»²⁵.

Однако ещё в письме Чернышёва Репнину от 30 октября 1768 г. президент Военной коллегии не без злой иронии замечал, что некоторые его распоряжения покажутся послу «дикими»²⁶, имея в виду свои неоднократные разногласия с послом в прошлом. Он не ошибся. В ответ на директивы Военной коллегии Репнин конфиденциально заявил Панину: «Я по преданности моей к Вашему сиятельству и для Вас единственно сие пишу. Военные повеления сюда таковые делаются, что никаким образом их исполнить невозможно, ибо оные противоречащие. А оным я вижу, что ищут не только разорения здешних дел с низвержением короля, несмотря на бесславие и вредные следствия, которые от сего для нас последуют, но и стараются здесь все так запутать, слагая все на ответ мой и Салтыкова, чтоб после нас как жертву восстановить и виноватыми сделать. Рассудите, можно ли сие исполнить?»²⁷. Жаловался Репнин на действия Военной коллегии и в дальнейшем. Однако немаловажное значение имеет в данном случае ответ на вопрос, возникавший ранее: были ли возникшие разногласия вызваны сугубо ведомственными противоречиями, или же они обусловлены разными подходами придворных группировок Панина и Орловых (к последней примыкал и Чернышёв) к польской политике Петербурга и к планам развязывания войны с Портой? Во всяком случае, Репнин подозревал своих оппонентов в провоцировании обострения внутреннего кризиса в Польше и международного кризиса вокруг Речи Посполитой.

Известия о начавшейся русско-турецкой войне достигли Петербурга и Варшавы практически одновременно. 29 октября 1768 г., когда на берегах Невы уже были подготовлены первые инструкции военного времени Репнину, русский посол в Речи Посполитой доносил Панину о положении в Польше. Он писал, что несостоявшегося сейма 1768 г. «никакой возможности не было держать, имея только человек тридцать земских послов, которые сюда приехали. Другие не только уныли, но, можно сказать, умерли от настоящих турецких обстоятельств»²⁸. На собрание Сенатского совета Репнин также не надеялся, к тому же тот не мог бы заменить сейм. В ситуации начавшейся войны с турками никто из польских сенаторов не решился бы принять на себя ответственность дать санкцию на подавление Барской конфедерации.

²⁵ Там же. С. 205–208.

²⁶ Там же. С. 190.

²⁷ АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 939, л. 35–37 об.

²⁸ Там же, д. 938, л. 115–116 об.

Репнин приводил свидетельства, полученные от Ф.К. Браницкого и от русского посла в Вене кн. Д.М. Голицына, что Турция уже объявила войну России. Однако, по его мнению, турки перейдут в наступление не ранее весны будущего года, «а зимою, конечно, кроме татарских набегов, быть не может. Нам же, считаю, надлежит сим временем и их неготовностью пользоваться, понеже уже война объявлена по их обычаю, ибо Магометово знамя было поднято в Диване»²⁹. Сентенция посла об использовании «турецкой неготовности» оставляет возможность для двоякого толкования: предлагал ли Репнин опередить турок активными действиями русских войск на Днестре или только призывал к решительности петербургских стратегов. Зная характер Репнина, можно предположить, что он склонялся нанести первый удар силами русских войск в Речи Посполитой. Это замечание позволяет в новом свете взглянуть на разногласия по военным вопросам Репнина и Чернышёва. В заключение, обращаясь к Панину, посол задал принципиальный вопрос: «Когда решитесь, Ваше сиятельство, и определите роль Польши по настоящей с турками войне, то тогда необходимо, считаю, будет сделать от Ея Императорского величества декларацию, сходную с теми видами. Заранее ж содержание оной определить не можно, не зная, как наш высочайший двор решится»³⁰. На вопросы и соображения Репнина Панин ответил 12 ноября 1768 г., когда на первых заседаниях императорского Совета в Петербурге были уже приняты первоочередные решения. Начало военных действий откладывалось до весенней кампании 1769 г.

По политическим делам в Речи Посполитой Панин предлагал Репнину продолжить консультации с А. Чарторыским и поддержал идею посла о декларации Екатерины II, направив в Варшаву соответствующий проект. Окончательный текст декларации ему предстояло выработать совместно с Чарторыскими при условии сохранения её принципиальных положений. «Я ласкаю себя надеждою, — писал Панин, — что и король, которого в общий совет непременно включить должно, и князья Чарторыские довольны будут и слогом, и содержанием декларации нашей, и что они скоро согласятся с Вами как на обнародование ея, так и на немедленное начатие по ней единодушных своих операций к созываемому чрезвычайному примирению сейму»³¹. Другими словами, Панин ставил задачу объединения сил Чарторыских — Станислава Августа и их сторонников, — которые, действуя совместно с Репниным, т.е. опираясь на русские войска, реализовали бы план созыва чрезвычайного сейма и разгрома Барской конфедерации. «О времени и способах к собранию чрезвычайного сейма, с составлением наперед нарочной для того конфедерации, — продолжал Панин, — или же инако кратчайшим, да и, по мнению моему, полезнейшим в рассуждении время, образом, яко то посредством сенатского совета, не могу я вам ничего с точностью предписать, а скажу коротко, что Ея Императорское величество изволит оставлять все сии подробности лучшему на месте вашему с князьями Чарторыскими и с королем соглашению, дабы только время упущено не было»³². Руководитель русской внешней политики подчёркивал, что кратчайшим и наилучшим путём к достижению поставленной цели остаётся принятие соответствующих решений Сенатским советом.

²⁹ Там же, л. 116.

³⁰ Там же, л. 116 об.

³¹ Сборник ИРИО. Т. 87. С. 205–208.

³² Там же.

Панин, по сути, демонстративно проигнорировал мнение Станислава Августа и Репнина, что Сенатский совет не имеет для этого ни соответствующих полномочий, ни законных оснований. Он допускал возможность, «если бы король или дяди его потребовали прибавки, уменьшения или отмены какой в корпусе декларации, о том, буде только время допустит, изволите, ваше сиятельство, сюда описать» и даже в крайнем случае действовать по своему усмотрению, при условии «не трогать самого существа декларации, а еще менее достоинство Ея Императорского величества и славу ея дел»³³.

В приведённой ноябрьской депеше Панина содержались процитированные Соловьёвым сентенции «к видам нашим привязания князей Чарторыхских» о том, что «сии старики, как ни говорить, способнее всех других к управлению дел, и нам надобно стараться опять их к себе присвоить». Однако в итоге Панин сформулировал главную цель: «Ибо нам в продолжение войны с турками нужен только с беспечною тыла армии нашей корпус республики на нашей стороне, дабы оной всему нашему поведению в рассуждении ея оправданием и помощью служить мог»³⁴.

К депеше Панина прилагался французский текст проекта декларации Екатерины II с переводом на русский язык, подтверждённый царицей днём ранее, 11 ноября 1768 г. Декларация была подчёркнуто обращена к польскому дворянству и основывалась на утверждении общности сословных интересов русского дворянства и польской шляхты. Центральным же её тезисом стала сентенция, что Екатерина II «отнюдь не намерена повреждать безусловный и законодательный авторитет, заключающийся непосредственно и во всей полноте в корпусе государства (Речи Посполитой. — *Б.Н.*), который всегда будет властен на основании конституции, которую он себе дает и единственно имеет право себе давать, принимать такие решения, какие могут потребоваться в силу обстоятельств и его потребностей»; что российская гарантия государственного и сословного строя Речи Посполитой основана «единственно на дружбе и благотворительности, не только не может быть рассматриваема как акт, связывающий польский народ по отношению к Ея Императорскому величеству и Ея короне, но что она, напротив, служит залогом его независимости, к которому присовокупляется сверх того еще помощь, обеспечиваемая ему Российскою империею против всякого нападения»³⁵.

Таким образом, в декларации подчёркивалось, во-первых, что российская гарантия не противоречит полноправию польской шляхты как целостного «корпуса республики», на чём основывался и суверенитет Польско-Литовского государства. Российская гарантия поэтому направлена исключительно против партикулярных тенденций раскола, примером чего может послужить Барская конфедерация. Во-вторых, российская гарантия служит охране шляхетской республики от «всякого нападения», т.е. как от внешнего вмешательства в её внутренние дела, так и от покушения на её территориальную целостность. В целом декларация провозглашала неизменность политического курса на охрану польской шляхетской государственности, который проводила Россия с начала восстания Барской конфедерации. По крайней мере, в ней не было намёка на панинскую идею формального «раскола республики на две части», из которых

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 201–205.

одна объединяла бы сторонников России, а другая послужила бы объектом репрессий и контрибуций.

Ещё до поступления из Петербурга официального проекта российской декларации Репнин сообщал Панину о предпринятых шагах в новой политической ситуации, которая сложилась вследствие срыва сейма 1768 г. и начала русско-турецкой войны³⁶. Посол доносил о своих беседах с А. Чарторыским, что конкретные переговоры с «фамилией» начнутся после получения проекта декларации. Однако, предвидя в ходе них существенные затруднения, Репнин задал Панину ряд вопросов.

Во-первых, каким образом следует трактовать «защитение законов от посторонних повреждений?» Имеются ли в виду навязанные изменения польского законодательства со стороны иностранных держав или же и такие новеллы в кардинальные законы, «когда они непредписанного формою последнего трактата сделаны будут. Например, постановлено, чтоб кардинальные законы не могла переменить самая законодательная власть ни во время конфедерации, ни же и совершенным единогласием». Репнин также спрашивал, «есть ли Вашего сиятельства намерение, чтоб кардинальные права отдать на волю республике законным образом», поскольку Чарторыский высказывался в пользу того, «чтоб, оставя диссидентское дело в его силе под ручательством Ея Императорского величества, прочие все поставить на то основание, как было учреждено на сейме 1766 года, то есть, чтоб статские материи подвержены были единогласию, прочие же все материи — множеству, и кардинальных законов тогда совсем в положении не было?»³⁷.

Во-вторых, главные адресованные Панину вопросы были вызваны проблемами нового статуса российской гарантии польской конституции, а также связанными с созывом чрезвычайного сейма. Репнин спрашивал: «Как все, на прошедшем сейме (1767 г.) учиненное, утверждено было трактатом и ратификациею с обеих сторон, то и теперь, если гарантия отменяется, считаю, что не довольным отсель будет поставлять одну декларацию, особливо, если она не самой Ея Императорским величеством подписана будет, как актом государственным и также сильным, как трактата того заключения быть могло. Что принадлежит до созвания чрезвычайного сейма вследствие сей будущей декларации, то имею донести то же, что уже доносил, что поколи мы не введем такого знатного числа сюда войск, чтоб Польша, прикрыта оными быв от турков и татар, видела, что они сюда ворваться не могут, по тех пор о сейме помышлять не можно, и напрасны б были труды, ибо сколько его созывать не станут, никто, однако ж, на него не поедет». Кроме того, продолжал Репнин, «не может созвание сейма быть прежде двенадцати недель после обнародования той декларации, считая в том времени созвание генерального Сенатского совета, без коего чрезвычайного сейма созвать нельзя, почему и доведет нас оное до самой весны и, следовательно, до времени начальных с турками операций». В итоге, обращаясь к Панину, посол констатировал: «В нерешимости же тех первых времен рассудите, Ваше сиятельство, какой успех можно от сейма здешнего ожидать, до тех пор все здесь оставаться будут в конфузии, от чего возмутительства умножаться станут, а, следовательно, и трудности к исправлению всех тех неудобств. Мне кажется, что нужна для исправления сего конфе-

³⁶ АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 939, л. 39–45 об.

³⁷ Там же, л. 40 об., 41.

дерация, которая бы, приняв на себя репрезентацию нации и правительства, могла какие можно будет меры против возмутительств принимать. И так правительство через нее в активисте придет, а после она же сама в сейме соберется для примирения всего». Для успеха же упомянутой конфедерации, утверждал Репнин, надлежит, чтобы Чарторьские вошли в неё³⁸. До опубликования декларации он не видел возможности начать соответствующие переговоры.

В изложенной части депеши Репнина от 23 ноября сформулированы политические и, главное, правовые вопросы, связанные с задуманной российской декларацией. Детальность их аргументации свидетельствует, что её содержание предварительно обсуждалось со Станиславом Августом. В дальнейшем Репнин перешёл к вопросам, в содержание которых польский король посвящён не был. Посол обратился к мысли Панина, «чтоб теперь разделить Польшу надвое, дабы иметь с собою для славы и достоинства Ея Императорского величества одну часть, представляющую корпус нации, а с другой бы подмогу брать». По мнению Репнина, в нынешних условиях и перед лицом турецкого вторжения ни состоятельная шляхта, ни магнаты, за исключением единичных случаев, не решатся открыто выступить против России и стать на сторону турок, «чтоб разорения не понести. Все те, которые с ними (турками. — *Б.Н.*) находиться будут, есть люди таковые, которые ни кола, ни двора не имеют... и тако, с сих мы ничего для уменьшения своих убытков не получим. Что же касается до здоровой части нации, кроме оставшейся теперь в Молдавии, то оную трудно будет из желаемого ею неутралитету вывести». Репнин просил Панина разъяснить смысл утверждения, «чтоб часть одна нации с нами была? Толи чтоб она, примешав явно к нам, объявила себя противною туркам, или объявившихся только быть с нами в соседственной дружбе в силу трактатов, однако ж в силу карловицких обязательств нейтральной же б себя объявила, не мешаясь в нашу с ними войну. Первое, чтоб не назвать невозможным, чрезвычайно мне кажется трудным, а второе натурально гораздо легче. По мысли разделения нации имею Вашему сиятельству то представить, что, если б сие разделение сделалось целыми провинциями или дистриктами, особливо к стороне турецких границ, то, конечно, то было бы некоторым нам намещением настоящих убытков, но если в отдаленных оттоль провинциях будут таковые противники, как теперешние возмутители, то оные все одни только труды и хлопоты нанесут без всякой прибыли, ибо будут составлены из людей, не имущих ничего, кроме имени дворянского, а прочие все за здоровую частью нации последуют»³⁹.

В рассуждениях Репнина о «разделении нации» принципиальное значение имеют два положения. Первое содержит, по существу, опровержение панинской идеи о расколе шляхетского сословия Речи Посполитой и о противопоставлении одной его части другой, что, по мысли посла, и невозможно, и безнадёжно с точки зрения получения материальных или политических выгод. Второе заключает в себе тезис о расколе республики на отдельные провинции, что, по его мнению, не лишено известного резона. Важно, что именно эта мысль и получила дальнейшее развитие в 1771 г., когда Россия, Австрия и Пруссия установили воинские кордоны для изоляции отдельных территорий в борьбе с Барской конфедерацией. Это стало одним из важных шагов по пути

³⁸ Там же, л. 41–42 об.

³⁹ Там же, л. 42 об.—44 об.

к первому разделу Польши. В ноябре 1768 г. данная идея только мельком прозвучала в адресованных Панину вопросах Репнина.

В заключение депеши от 23 ноября 1768 г. Репнин писал Панину, что «теперь весьма малое число войска в Польше остается, все предприятия государственные, которые будут здесь делать, то есть сейм или конфедерация, гораздо более денег, пред прежним, становиться станут, ибо надо будет оными награждать недостатки сил. Короля я в настоящих обстоятельствах, сколь прежде ободрял, столь и впредь ободрять не упущу уверениями дружбы Ея Императорского величества. Но ему, по крайней мере, месяца через два опять есть нечего будет, ибо доходы везде разграблены и к нему не доходят, а деревни, платящие оные, немалою частью разорены»⁴⁰.

Поставленные Репниным перед Петербургом вопросы так и остались без определённого ответа. В следующей зашифрованной депеше от 30 ноября 1768 г. он сообщал о первых результатах новой тактической линии: о получении инструкций Панина и проекта декларации; о своём разговоре со Станиславом Августом, который выразил удовлетворение сформулированной позицией России и готовность действовать совместно с Репниным в случае согласия Чарторыхских на осуществление российского плана. Однако А. Чарторыхский изменил свою позицию, выдвинув, помимо вопроса о модификации российской гарантии, о чём Репнин ранее специально задавал вопросы Панину, следующие требования: а) изменение статуса диссидентов; б) детронизация Станислава Августа как условие прорусской конфедерации; в) посредничество Франции или Австрии. В противном случае, доносил русский посол, Чарторыхский якобы не видел возможности что-либо сделать⁴¹.

Репнин писал Панину о домашнем совете у Чарторыхских, который продолжался три дня и подтвердил решения воеводы Русского⁴². При этом следует отметить, что «фамильная рада Чарторыхских», названная Репниным «домашним советом», играла существенно более важную роль, чем просто форма обмена мнениями между вождями «фамилии» и их ближним кругом. Согласно оценке В. Конопчиньского, рада являлась политическим комитетом сильнейшей магнатской группировки в тогдашней Речи Посполитой и одним из прообразов будущего Постоянного совета⁴³. Этим объяснялось особое значение, приданное русским послом домашнему совету Чарторыхских. Их ответы на план Репнина указывали, что «фамилия» заняла по отношению к России абстракционистскую позицию. Свержение с престола Станислава Августа и восстановление коллективного протектората великих держав над шляхетской республикой были неприемлемы для Петербурга и означали уничтожение всех достижений русской политики в Польше.

Итоги переговоров с Чарторыхскими побудили Репнина вновь обратиться к Станиславу Августу с предложением самостоятельно, независимо от «фамилии», пойти на осуществление российского плана образования прорусской конфедерации, созыва чрезвычайного сейма, «разделения республики». На демарш посла польский король ответил отказом, поэтому первый объявил Панину о невозможности опубликовать декларацию Екатерины II⁴⁴.

⁴⁰ Там же, л. 44 об.—45.

⁴¹ Там же, л. 111 об.—118 об.

⁴² Там же, л. 119—120 об.

⁴³ *Konopczyński Wł.* Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. Kraków, 1917.

⁴⁴ АВПРИ, ф. 79, оп. 6, д. 939, л. 120 об.—121.

Для усиления давления на Чарторыхских, дабы побудить их поддержать продвигаемый Репниным план, в Петербурге решили прибегнуть к содействию союзной Пруссии. Берлин направил соответствующую декларацию прусскому резиденту в Варшаве Г. Бенуа. Репнин говорил с ним о совместном демарше, однако Бенуа под благовидным предлогом уклонился от вручения декларации Фридриха II якобы потому, что Чарторыхские выступают сейчас только как частные лица, и переговоры с ними от имени прусского короля неуместны. Репнин согласился в этом с Бенуа, но просил его в устной форме довести до Чарторыхских позицию Пруссии⁴⁵.

16 декабря в связи с прибытием в Варшаву курьера В.А. Кара Репнин составил на имя Панина очередную депешу⁴⁶, где были приведены некоторые существенные сведения: о переговорах Бенуа с Чарторыхскими в духе упомянутой декларации прусского короля, которые «имели тот же результат», что и у русского посла. Репнин сообщал Панину, что узнал о том, что тот якобы согласился при образовании пророссийской конфедерации на объявление нейтралитета Польши в русско-турецкой войне, но при условии провозглашения барских конфедератов мятежниками. Посол считал такой маневр затруднительным, ибо в этом случае барские конфедераты получили бы повод открыто просить Турцию о военной помощи и о «покровительстве». От Кара же Репнин узнал о неких якобы допустимых новеллах в польском законодательстве. Он возражал и писал, что положение диссидентов должно остаться неизменным, как и законодательство о *liberum veto* и о выборах короля. Наконец в постскриптуме к депеше он уточнял, что о намерении Панина потратить миллионы на проект Чарторыхских сообщил ему Чернышёв⁴⁷. С 1765 г. Кар был одним из близких к Репнину людей и пользовался доверием посла. Биографы Кара отмечали, что он, помимо доставления депеш, делал устные доклады Панину и Репнину, так что вполне можно допустить, что тот сообщал послу на словах некоторые не попавшие в официальные инструкции сведения. Возможно, известия подобного рода могли бы доставлять и другие курьеры. Свидетельства Кара указывают, что в Петербурге по поводу декларации Екатерины II и переговоров с Чарторыхскими имелись разногласия и некоторая несогласованность. Во всяком случае, до конца 1768 г., несмотря на напоминания Репнина, никаких инструкций по этому вопросу русский посол из Петербурга не получил.

В итоге, не дождавшись распоряжений от своего двора, Репнин сам дал оценку политики Петербурга и положения дел в Речи Посполитой. Ещё в зашифрованной депеше от 30 ноября 1768 г. он писал: «Видя все вышеписанные препятствия, не имея никакой надежды Польшу из небытия вывести, осмелюсь представить, что если они сами хотят таким образом, не делая себе никакой помощи, оставаться в бедствиях и беспорядках, то пусть же они в том и остаются». Репнин указывал, что имеющихся в его распоряжении войск недостаточно для умиротворения страны, и он может подавить только крупные выступления, а «малые возмутительства и всякого рода грабительства, которые им вреднее, нежели нам, пусть продолжают». Посол подчёркивал, что склонить на сторону России значительный «корпус нации» путём созыва чрезвычайного сейма или посредством новой конфедерации можно только под стра-

⁴⁵ Там же, л. 121–121 об.

⁴⁶ Там же, л. 940, л. 14–15 об.

⁴⁷ Там же, л. 16.

хом военной силы и репрессий, «и, следовательно, надобно бы было его самого (“корпус нации”. — *Б.Н.*) знатным числом войска в обуздании и, как под караулом, держать. И сверх того, фантом бы то только было, ибо повеления в земле никто бы не слушался, кроме как разве бы мы, посылая войски, везде к тому принуждали»⁴⁸.

Если оставить Речь Посполитую по-прежнему в состоянии политической анархии, рассуждал Репнин, и сосредоточиться только на обеспечении надёжного тыла для действовавшей против турок русской армии, «не убавляя ее собственных сил, то можно все войски, положенные в Великой Польше, в Кракове, в Варшаве и около (вывести. — *Б.Н.*) в прочие воеводства польские: Волынское и Киевское, а литовские — оставить в Литве. И таким образом, вся половина Польши, лежащая к нашей стороне, которая и самая изобильная, будет довольна к своему обеспечению войска и к свободному доставлению через оную из наших границ всякого к большой армии пропитания и снабжения. Но из сего то воспоследует, что в испраженной части нашими войсками, даже и в Варшаве, сделаются знатные возмутительства, которые и самого короля силою могут принудить в оные войти и которых после нам гораздо труднее будет искоренять. Мне кажется, короче и лучше всего пограничными провинциями с турками и прочими соседями поделиться, от чего, я думаю, которой из них не отречется, а мы бы сим способом с аванжем из настоящих хлопот вышли и заполучили бы некоторое удовлетворение за убытки и хлопоты, которые мы понесли со времени минувшего междоусобия, не уступая тем образом ничего из заключенного последним с Польшею трактатом»⁴⁹. Репнин недвусмысленно изложил суть политической комбинации: «пограничными провинциями с турками и прочими соседями поделиться», которая была позже реализована в первом разделе Польши.

В заключение он писал, что в сложившихся условиях «не видит себя могущим годным к какому-либо успеху здешних переговоров. Во всех оных всякой другой приятней меня будет наиглавнейшей и большей части нации, понеже я был инструментом всех тех дел, которые столь здесь противны... Натурально из сего следует, что я не могу здесь быть приятным, сколько об том истинно ни стараюсь... то думаю, что господин Сальдерн всех лучше может здешние переговоры с успехом вести, понеже спознание уже имеет об здешней земле через прошедшую свою здесь бытность и понеже поверенность имеет Чарторыхских, которые одни разве что могут здесь сделать»⁵⁰. Упоминание К. Сальтерна в заключительной части депеши Репнина звучало многозначительно, поскольку именно он был при петербургском дворе одним из явных противников политической системы Панина и недоброжелателей Репнина и являлся послом в Речи Посполитой в 1771 г., когда курс Вены, Берлина и Петербурга на раздел Польши вступил в стадию реализации.

Таким образом, в ноябре—декабре 1768 г. в связи с началом русско-турецкой войны польская политика Екатерины II оказалась в известном смысле на распутье. С одной стороны, в инструкциях Панина и в рассуждениях и действиях Репнина прослеживается линия на охрану институтов государственности Речи Посполитой перед лицом угрозы анархических тенденций, проявившихся

⁴⁸ Там же, д. 939, л. 120 об.—122 об.

⁴⁹ Там же, л. 122 об.—123.

⁵⁰ Там же, л. 123—123 об.

в ходе восстания Барской конфедерации и поощряемых из-за рубежа, в первую очередь секретной дипломатией Версаля. С другой — в правящих кругах Петербурга возникали идеи «разделения польской нации», т.е. формирования политической группировки магнатов и массового движения шляхты, которые выступили бы против своих шляхетских «собратьев», представленных Барской конфедерацией. Однако политика раскола единого шляхетского сословия едва ли имела перспективы в принципе, а тем более в начальный период русско-турецкой войны, в условиях неопределённости её итогов и с точки зрения сформировавшегося кризиса отношений между великими державами. Бесперспективность политики «раскола нации» определялась политической тактикой польских магнатских группировок, прежде всего «фамилией» Чарторыхских, которые под лозунгом нейтралитета выдвинули неприемлемые для России условия: восстановление протектората великих держав над шляхетской республикой и детронизацию короля Станислава Августа. Однако в переписке между Паниным и Репниным прозвучала идея территориального раздела Польши в интересах разрешения международного кризиса и поддержания баланса интересов великих держав.